

Глава 8

Все тайное становится явным

Вот так – я понятия не имел, что теперь делать с этой информацией, которую только что выложили передо мной. Наконец-то у меня был компромат на моего бывшего пастора, но я ума не мог приложить, что теперь с ним делать. Если бы мне было известно год назад то, что я знал теперь, у меня даже и не возникло такого глупого вопроса.

Все родилось в результате случайной встречи в торговом центре. Я заскочил на минуту, только для того, чтобы купить подарок для жены в честь нашей годовщины, да схватить чего-нибудь на обед – перекусить прямо перед встречей, назначенной на 13:30. Я был увлечен чтением журнала новостей недельной давности и как раз, от _____ откусив, положил свой чизбургер на стол, расположенный в центре закуской. Я отвлекся, переворачивая страницу, и тут заметил ярко красное платье прямо перед моим столиком. Поднял глаза – передо мною знакомое лицо, которого я уже давненько не видел.

«Могу я поговорить с тобою буквально минуту?» - Диана задала этот вопрос, тяжело дыша и озираясь так, как будто опасалась преследования полиции.

«Да конечно, присаживайся», - пробормотал я с полным ртом и отодвинул свои вещи немного в сторону, чтобы она могла сесть рядом за малюсеньким столиком. Она беспокойно села рядом, мне трудно было не оценить ее красоты: длинные темные волосы спадали на плечи, особо подчеркивая живые голубые глаза. Нахмуренные брови, сжатые губы и печальные глаза говорили, однако, о том, что не все в порядке. Я был знаком с ней с тех пор, как она – яркая, отважная молодая девушка - появилась в Кингстоне, поступив в местный государственный колледж. Немедленно после выпуска из него она выскочила замуж за парня, который начал избивать ее практически с первых дней их совместной жизни. В конце концов, она с ним развелась, и наша церковь была рядом с ней почти все время в течение этого жуткого процесса. Это было почти три года назад. И с тех пор я ее не видел. «У тебя все в порядке?» - спросил я.

«Живу одним днем, и это не легко. Но я здесь, чтобы спросить, как ты и Лора. Как вы поживаете? Я слышала, что Джим сделал с тобой, и я с тех пор очень переживаю за вас с Лорой. Вы-то как там вдвоем?»

«Спасибо Диана, что спрашиваешь. Сам этот факт для меня значит гораздо больше, чем ты думаешь. В общем-то, совсем нелегко. Мне было трудно вернуться работать в недвижимость и со многими людьми нам пришлось расстаться. Некоторые из них до сих пор стараются не встречаться с нами на людях, а некоторые распространяют о нас нелепые слухи».

Диана снова пошарила глазами по торговому центру и беспокойно поправила волосы. После неловкой паузы она подалась вперед и заговорила практически шепотом: «Я знаю, что мне, наверное, не надо говорить тебе об этом. Мне жутко стыдно и, клянусь, больше этого от меня никто не услышит». Она закусила губу, глаза смотрели поверх меня – было ясно, что она подбирает правильные слова. «Это о пасторе Джиме...» Ей пришлось подавить рыдания, которые уже стояли в горле. «Есть то, что ты должен знать...» голос срывался.

Я потянулся и дотронулся до ее руки, лежавшей на столе: «Диана, если это трудно – ты не обязана мне ничего рассказывать».

«Он воспользовался моим трудным положением», - отрывисто вырывались слова сквозь напрашивавшиеся рыдания. Я даже не догадывался о чем это она, и как раз когда я пытался сообразить, какой вопрос ей задать, чтобы помочь объясниться, она собралась с силами и продолжила: «Я уже давно борюсь с желанием рассказать все тебе, а сегодня, когда увидела тебя здесь одного, решила, что должна».

Явно не раз продуманными словами она рассказала мне о том, что у них с Джимом была связь в течение трех месяцев. Во время развода и почти год после него, она жила в свободной комнате у них дома. Ближе к концу всего этого времени у нее с Джимом завязался роман и он сказал ей, что думал развестись с женой ради нее. Внутри нее все еще шла борьба по поводу свершившегося, и она то обвиняла во всем себя, то Джима. «Я не должна была соглашаться жить у них. Для него это было непреодолимое искушение, особенно при тех проблемах, которые у него были с женой. Они постоянно конфликтовали. Однажды утром я проснулась и решила, что больше так не могу, собралась и съехала». Слезы уже во всю катились по ее щекам.

Я вжался в спинку стула, в полном недоумении, что же теперь сказать. Вспомнилась беседа с Джимом, которую я инициировал тогда, когда Диана перестала ходить к нам в церковь, сразу же после переезда из их дома. Я спросил, не случилось ли что, и он отмахнулся от вопроса с презрительной беспечностью: «Она просто поняла, что ее нужды будут больше восполнены в другой церкви, с более молодой паствой». Я был несколько обескуражен таким ответом, учитывая их тогдашнюю тесную дружбу. Она приподнялась, чтобы идти: «Я об этом никому не рассказывала, и если ты попробуешь где-нибудь заикнуться о произошедшем, я скажу, что ты лжешь. Но я уверена, что тебе об этом надо знать».

Она встала, и я тоже быстро приподнялся из-за стола. «Подожди», - умоляюще произнес я, когда увидел, что она попятилась назад, - «Мне так жаль, что все это произошло. Я не могу ничем.....?»

«Прошу тебя, даже не пытайся», - сказала она срывающимся голосом, подняв обе руки как бы обороняясь, - «Мне надо идти, мне очень жаль».

И она побежала от меня прочь – я несколько раз ее окликнул и тут же почувствовал на себе странные взгляды дюжины человек вокруг. Неловко улыбнувшись, я сел в глубоком раздумье. Меня не переставало удивлять то, как мои отношения с Джимом вдруг внезапно так изменились. Но это объяснение было совсем не радостным. Доедать чизбургер уже не хотелось, и чем дольше я сидел, тем больше наполнялся злобой. Значит тот, кто оболгал меня, сам жил во лжи. Я понятия не имел, как теперь себя вести.

Я встал, чтобы идти, и вдруг поймал себя на том, что впервые за долгое время опять ищу в толпе знакомую фигуру Джона. Я его не видел с той футбольной игры – почти четыре месяца назад – и вспоминал его с исключительной благодарностью за те мысли, которые он помог мне открыть. Свалившаяся на меня новость не оставляла мне выбора – я хотел поговорить с ним снова. Я также вспомнил, что Джон еще давно спрашивал, что такое мог Джим скрывать. Тогда я даже в страшном сне не мог себе этого представить.

Первая попытка обнаружить предмет поиска результата не дала, и я в досаде подумал, что он так и не дал мне ни единой возможности как-нибудь с ним связаться: ни телефона, ни электронного адреса. И я побрел через торговый центр в направлении автомобильной стоянки к своей машине. Проходя мимо фонтана в центре магазина, я вдруг его увидел. Он сидел на скамейке с ребенком, который играл у него на руках и разговаривал с каким-то молодым человеком. Я покачал головой и улыбнулся. Джон как всегда гармонично вписывался в окружающую его картину.

Я направился к ним, а молодой человек как раз в это время встал, пожал Джону руку, сгреб карапуза у него с колен и усадил в коляску. Малыш повернулся, чтобы помахать «дяде до свидания», а Джон ответил ему улыбкой. Я незаметно подсел рядом. Повернувшись, он не смог скрыть удивления. Его лицо растянулось в еще большей улыбке, а рука потянулась обнять меня за плечо. «Джейк, вот это приятный сюрприз!»

«Поверить не могу, что ты оказался тут. Я только что о тебе вспоминал». Махнув в сторону удалившегося папаши, я спросил: «Это тоже друзья?»

«Теперь, может быть и да. Я только что с ним познакомился здесь на скамейке, пока он ждал свою жену. Пока играли с Джейсоном – прекрасно поговорили. Парень не уверен, есть ли у него какие-либо отношения с Богом, но это потому, что пока он еще не познал Его силу в своей жизни. Но тут совсем другая история. Как ты сам, Джейк?»

«Не поверишь, что мне сейчас пришлось услышать».

«О чем это?»

«Помнишь, когда-то еще давно ты спрашивал, что такого мог скрывать мой бывший пастор, когда он так отдалился от меня? Ну, так вот, я только что узнал, что пару лет назад у него была связь с женщиной, которой пришлось остановиться у них в доме. Эта женщина в тот момент разводилась с мужем».

Улыбка Джона быстро ушла с лица, сменившись выражением боли, было очевидно, как печаль пронизала его чувства. Когда из его глаз потекли слезы, я услышал, как он почти выдохнул шепотом: «Господи, прости нас».

Как могло так случиться: то, что вызвало во мне такой задор, породило в нем такую скорбь?

«Ты в этом абсолютно уверен?» - спросил Джон.

«Та самая женщина только что подошла ко мне несколько минут назад и рассказала мне все. Она посчитала, что я должен об этом знать».

«Она сама – в каком состоянии?»

«Состояние не очень. Но она не пожелала остаться и поговорить об этом. Рассказала и тут же убежала».

Я все еще видел эту боль у него в глазах, а он просто смотрел сквозь магазин. После неуклюже затянувшейся паузы он, наконец, продолжил. «И что ты намерен делать?»

«Я не знаю. Именно поэтому и желал этой нашей встречи. Его нужно вывести на чистую воду. Это, по крайней мере, реабилитирует меня».

«Каким это образом?»

«Это откроет всем глаза на то, что он лгун. И тогда все узнают всё!»

«Ты уверен, что хочешь это сделать?» Я смотрел в его глаза все еще наполненные слезами.

«Нет, я не хочу», - сказал я не настолько искренне, насколько мне хотелось бы. – «Но разве не должен кто-то это сделать?»

«Это не твое дело, Джейк. Ты отвечаешь только за то, что призван сделать».

«Но никто же больше не знает, Джон, - кроме этой самой женщины. А я не думаю, что она пойдет махать саблей». Джон не отвечал и опять молчал.

«Ну, так, что ты считаешь, я в этой ситуации должен делать?» - в конце концов, спросил я.

«Я не могу диктовать тебе, что делать, Джейк. Но я думаю - тебе не надо брать на себя ответственность и решать, какой оборот этой ситуации будет оптимальным. Спроси Отца своего Небесного, что Он положил тебе исполнить. Но это уж точно не то, что закончится твоим триумфальным шествием».

«Надеюсь, это не прозвучало у меня именно так».

Джон передернул плечами: «Какая разница, как это прозвучало? Важно как это на самом деле».

«Но я хочу, чтобы люди увидели эту трухлявую систему во всей красе, Джон. Этот человек оболгал меня и выгнал с позором, обманул эту женщину и до сих пор обманывает тех, кто приходит туда. И ему все сходит с рук!»

«Никому ничего не сходит с рук, Джейк. Он платит по своим счетам так, как ты даже себе представить не можешь. Не забывай, что грех сам по себе уже наказание. Он не только удаляет этого человека от того, кем ему назначил Бог быть, но и разрушает других людей окружающих его, даже если эти люди не догадываются, почему все так происходит. Окружающие уже чувствуют его опустошенность и внутреннюю битву».

«Но разве не нужно раскрыть им все, что он сделал - прилюдно? Я хочу, чтобы все узнали правду!»

«А разве они ее уже не знают? В конце концов, он не более того, кто он есть на самом деле, и вовсе не тот, кем он себя представляет».

«Но внешне это не так. Люди думают, что он праведный божий человек».

«Вот где преткновение, а?! Когда ты не доволен действительностью, ты всегда беспокоишься о том, как все выглядит».

«Не думаю, что так, Джон», - злоба в голосе удивила даже меня самого. Он пытался отобрать у меня такую бомбу, которая была уже у меня в руках, и превосходила все то, о чем я мог мечтать весь этот год. - «Его просто должны увидеть в истинном свете!»

«Разве это не то, что уже произошло? Он предал дружбу ради того, чтобы защитить свое положение и солгал всему собранию, распустив о тебе дурную славу. Разве надменность уже не просачивается сквозь все сферы его жизни? Почему вам протестантам кажется, что если дело касается сексуальных связей, то уже дальше некуда?»

Должен отметить, что меня это удивило. Я действительно думал, что грех прелюбодеяния был худшим из всего. После оглушающего молчания я ответил сквозь сжатые зубы: «По крайней мере, это наглядно покажет насколько все плохо».

«Не злись на меня. Не я же все это сделал».

«Прости, Джон. Я просто не ожидал, что ты так на все это отреагируешь. Я думал, эта ситуация привлечет на нашу сторону многих».

«Это что за сторона такая?»

«Как? Ну, все те, кто противостоит подложной системе организованной религии, люди, преданные движению новозаветной модели – домашней церкви».

«По мне, так это вовсе не как та сторона, на которой я бы хотел быть. Разве ты слышал от меня подобное?»

На этом этапе я просто был ошарашен тем, куда Джон завел нашу беседу: «Ну..., ты же сам помог мне разобраться с несостоятельностью организованной религии. Разве ты не выступаешь за глубокие и искренние отношения между верующими?»

«Одно дело смотреть сквозь все и другое дело противостоять этим верующим. Я полностью за то, чтобы верующие учились тому, как идти вместе разделяя искреннюю дружбу, но мы с тобой еще даже и не начинали разговора о том, как это может произойти».

«Разве не всегда это производит одно и то же – таких вот Джимов, которые представляют из себя лидеров церкви, а на самом деле лгут и обводят вокруг пальца других? Я уже от этого устал, Джон».

«Ну не все же лгуны, Джейк. И не все группы заканчивают так пагубно. Те верующие, которые относятся к своим лидерам, как к имеющим особое помазание, чаще всего оказываются ими обмануты. Похоже на то, что те люди, которые принимают на себя - или на которых возлагают большую человеческую власть, забывают практику того, как нужно говорить нет своим аппетитам и страстям. Очень легко любому из нас впасть в служение самому себе, думая при этом, что мы служим другим, поддерживая деятельность организации. Но не все из тех, кто этому подвержен, заканчивают так плачевно. Многие – действительно служат, искренне желают помогать другим. Они убеждены, что таким образом делают это наиболее эффективно. Всегда необходимо отделять пагубность системы от душ людей, которые в ней состоят.

Любая человеческая система когда-нибудь да приходит к тому этапу, на котором она ожесточает именно тех, кому призвана служить, а те, кого она обесчеловечивает больше всего – это люди, которые думают, что руководят ею. Но не все состоящие в системе

разделяют ее приоритеты. Многие вращаются внутри, не будучи поработанными ею. Они живут жизнью Отца и милостиво оказывают поддержку другим, когда Господь открывает им такую возможность».

«Меня это все не волнует, Джон. Я просто хочу, чтобы грех Джима был выставлен на показ всему свету». Я почувствовал, как мое лицо загорелось гневом, а руки сжались в боевые кулаки.

«Джейк, на что ты так злишься? Я тебя таким никогда еще не видел».

Я, наконец, откинулся на скамейке, глубоко вздохнул и выдохнул, выпустив вместе с этим наружу часть своего напряжения. Я действительно не хотел биться с Джоном, просто хотел услышать то, что он должен был сказать. Мои следующие слова уже не были такими агрессивными, но более испытующими. «Не уверен, что понял тебя».

«Я не могу понять. Твои ответы настолько далеки от того, о чем мы говорим, что я просто не могу догадаться, что еще тебя так взводит?»

Я на минуту задумался. «Единственное, что как мне кажется, я правильно понял – не стоит подвергаться тирании мнения других людей. За последние несколько недель я даже не чувствовал того долго преследовавшего меня чувства стыда при встрече с людьми, которые раньше были мне друзьями. Я это воспринял как благословение».

«Так и должно быть», - сказал Джон с улыбкой.

«А теперь ты обращаешь все это против меня. Ты просто думаешь, что я хочу отомстить Джиму».

Он подался ко мне и приобнял меня за плечо. «Джейк, ничего подобного я не думаю. Поверь мне, я знаю, как тяжело от всего этого. И я думаю, что ты проходишь это испытание как нельзя лучше. Я просто не хочу, чтобы ты взваливал на себя то, что будет тащить еще тяжелее».

«Да. Пожалуй, тяжело мне во многих сферах. Возвращение в недвижимость оказалось качественным выстрелом мимо цели. На прошлой неделе в последний момент развалилась очень серьезная сделка. Если бы она состоялась, то обеспечила бы мне спокойную жизнь на несколько лет. Денег нам хватает, только чтобы едва-едва сводить концы с концами каждый месяц, и никогда нет никакой уверенности в том, как же мы проживем следующий. Я надеялся, что к этому моменту у меня уже будет какая-то стабильность в жизни».

«Может, ты ищешь стабильность не там, где надо, Джейк?»

Я уже ненавидел тот вопрос, который задавал не в первый раз: «И что бы это значило?»

«Ты, Джейк, научился измерять свою стабильность теми условиями, которые тебя окружают, своей способностью просчитать заранее, как все должно состояться».

«А что в этом плохого?»

«Я же не сказал, что это плохо. Я просто сказал, что это не поможет тебе ориентироваться в Его Царствии. Когда мы заглядываем в будущее, мы уже не слушаем, что говорит Отец. Все то, что мы предпринимаем, в целях обеспечить себе стабильность – по нашим понятиям – фактически обкрадывает нас, забирая простую свободу следования за Ним сегодня. Мы обращаемся к своей собственной мудрости вместо того, чтобы прибегать к Его. Самая большая свобода, которую может дать тебе Господь, - это довериться тому, что в Его власти позаботиться о каждом твоим дне».

«Вот тут-то для меня все больше всего и запутано, Джон. На сегодня у меня всего достаточно: денег, чтобы решить все сегодняшние вопросы; друзей, которые поддерживают по жизни; достаточно и милости Божией, чтобы преодолеть надоедливые слухи от «доброжелателей». Только лишь тогда, когда я заглядываю в будущее, я начинаю нервничать. И я не знаю, как с этим справиться ни сейчас не в будущем».

«Мы все проходим по одному и тому же пути, Джейк, и я точно понимаю, что ты имеешь в виду. Но это все оттого, что мы сейчас не можем видеть то, что Господь произведет в будущем. Мы видим только то, что сами можем произвести. Ты думаешь, что обнаружение связи Джима с этой девушкой решит все, тогда как на самом деле оно не решит ничего. Люди, которые не чувствуют его высокомерия, не поверят и в факт его грехопадения. Если он однажды был замешан в предательстве, выдумать очередную отговорку для него не составит большого труда».

«Об этом я как-то не задумывался. Но мысль о том, что люди думают о нем как о праведном меня просто мучает.»

«Но они же только думают, что он праведен. Это иллюзии. Иллюзии, не смотря на то, что бывают очень стойкими, остаются всего лишь иллюзиями».

«Но многие так и живут этими иллюзиями».

«Да, но только тогда, когда хотят этого. И я не хочу, чтобы и ты впадал в иллюзии. Ты сейчас для всех – плохой, тогда когда ты то знаешь, что это не правда. Тебе кажется, что ты на грани финансового краха, но это тоже не так. Никогда не позволяй этой, не более чем видимости, становиться твоей реальностью».

«Но я хочу. Чтобы другие узнали правду, Джон. Почему они должны жить в своих иллюзиях?»

«Вера в ложь – это не то, что кто-то должен или не должен делать. Это капкан, в который попадают очень часто. У тебя есть информация, которая поможет тебе лучше разобраться в том, что происходит на самом деле. Позволь Богу самому определить для тебя, что с этой информацией делать. Не думай, что раструбить ее сейчас – это единственное, что Он желает, особенно в твоим случае, когда особый выигрыш достается только тебе».

«Ну, разве людям в церкви не надо знать?»

«Если Отец пожелает, то они узнают».

«Но я же один, кто знает, не считая тех двоих, у которых есть все причины к тому, чтобы скрывать это от всех».

«Да, так может показаться, Джейк».

«Но если мы не скажем, то Бог сам не сможет, Так, по крайней мере, меня учили».

Джон удивленно усмехнулся: «И это самая сильная ложь из всех, которые я сегодня услышал».

«Неужели?»

«Ужели! У Бога не мерянное количество вариантов сделать то, что Он наметил».

«Но разве мы – не часть этого, Джон?»

«Мы – часть этого, но не самая большая часть. Мы всего лишь должны исполнить то, что Бог положит нам на сердце и сомнение в том, что Он способен произвести в нас это – не самый лучший способ услышать то, что Он говорит. Самая великая ложь нашей надломленной вселенной – это то, что Богу нельзя доверять, и что нам лучше позаботиться о себе самим.

Это именно та ложь, которая увлекла Еву. Змей убедил ее в том, что поскольку у Бога есть какие-то скрытые мотивы, ей не стоит верить Его словам. В неверии Богу она совершила то, что казалось наилучшим в ее глазах. Но это имело свои результаты, не так ли? И всегда имеет, Джейк. Наше наихудшее состояние духа, Джейк, всегда результат того, что мы ухватили для себя то, что Отец нам не давал.

Мы должны жить Его силой, не своей собственной. Вспомни, что Писание говорит о Силе Бога: ‘Он *в силах* одарить вас всякими дарами в избытке, и тогда у вас всегда и всюду будет все необходимое и еще с избытком хватит на любое доброе дело.’ ‘Слава Тому, чья сила, действуя в нас, способна совершить несоизмеримо больше, чем все то, о чем мы можем попросить или даже помыслить’ ‘Я знаю, Кому я поверил, и уверен, что Он *способен* в целостности сохранить то, что было мне доверено, вплоть до того дня’ ‘Поэтому Он и *может* всегда спасать тех, кто приходит через Него к Богу, ибо Он живет вечно, чтобы ходатайствовать за них’ и ‘Тому, кто *способен* уберечь вас от падения и поставить незапятнанными и ликующими пред лицом Своей Славы...да будет слава и величье.....’

Посмотреть, - так столько возможностей остается неиспользованными, когда мы думаем, что должны все делать своими силами. Наши самые неразумные поступки совершаются тогда, когда мы пытаемся сделать что-то для Бога, в полной уверенности, что единолично Он с этим не справится».

«Так что мне теперь, сидеть и ждать?»

«Кто сейчас хотя бы заикнулся о том, чтобы сидеть и ждать? Учиться жить в доверии Богу – самая тяжелая часть этого путешествия. В нашей обычной жизни столько энергии тратится в опасении за то, что Бог не стоит на нашей стороне! Мы даже понятия не имеем, какие дела могут быть произведены посредством доверия Ему. Доверие не превращает тебя в бездельника. Если ты будешь следовать за Ним во всем, Джейк, ты обнаружишь, что будешь занят гораздо больше, чем когда-либо, но это будут не лихорадочные потуги отчаявшегося человека, а простое послушание любимого Отцом дитя. Вот все, чего хочет Отец».

«Это же касается и собраний, Джон?»

«Тут дела обстоят даже хуже. Коллективная мысль, рожденная верующими, которые совершают совместные дела больше на основании страха, чем на основании доверия к Богу, приведет к еще более разрушительным результатам. Они будут постоянно путать свои планы с Божией мудростью. Поскольку одобрения своих действий они получают от других людей, они никогда не смогут поставить их под сомнение, даже тогда, когда тяжелые последствия их дел будут очевидны».

«Жуткая картина, Джон».

«Я это наблюдаю уже многие годы. Я видал и такое, когда Божье имя цепляли на откровенный абсурд».

«Тебя это не выводит из себя?»

«Раньше выводило, должен признать. Но я пришел к пониманию того, что Он гораздо выше всякой нашей возни, которая предположительно может запятнать Его имя. Его замысел преодолет все самые величайшие падения человечества – даже те, которые совершаются от Его имени».

«Так, а каким образом это относится к собраниям? Помнишь, я рассказывал тебе о той домашней церкви, которую мы начинали в прошлый раз, когда мы виделись?»

«Помню, и как дела с церковью?»

«Все началось мощно, но с тех пор сошло на нет. Люди приходят только тогда, когда это удобно, и если приходят, то всегда ждут, когда кто-нибудь все за них сделает. Мы можем тараситься друг на друга просто не зная, что дальше делать. Люди просто не достаточно берут на себя ответственности, чтобы исполнять работу».

«Если речь идет об ответственности, может, тогда вы что-то упустили?»

«Например?» - подвел я его к объяснению.

«Не знаю. Духовный голод... действительность... Божье присутствие, возможно. Может быть целый ряд всего, но если вы не разрешите этого вопроса, то что бы вы ни делали совместно – не будет празднованием Божьего присутствия, а будет просто попыткой чем-то ее заменить. А никакая подмена Бога нас не сможет удовлетворить. Вот почему мы пытаемся обязать людей посещать собрания, вместо того, чтобы оснастить их всем необходимым, чтобы жить в Ком-то. Я пришел к выводу, что как только люди обнаруживают, что означает жить в Отце, то никаких обязательств не требуется, чтобы они жили в постоянной связи друг с другом. Бога достаточно, чтобы держать их вместе».

«Но разве мы не учимся тому, как доверять Ему через Его тело?»

«Конечно, мы можем помогать друг другу возрастать в доверии, но эта помощь является необходимым условием совместной жизни в Боге, а не плодом ее. Вспомни свою жизнь в Городском Центре. Сколько решений и тактик было разработано и принято только из-за того, что вы боялись: вдруг люди не придут, не возрастут, не дадут денег, разойдутся в разных направлениях и пропадут?»

«Пожалуй, что 90% всех решений», - ответил я. - «Большая часть решений была основана на страхе: а вдруг кто-то сделает ошибку и нанесет ущерб себе или выставит собрание с глупой стороны».

«Тогда 90% того, что вы совершали, было основано на страхе, а не на доверии. И вы распространяли этот страх на других, чтобы таким образом связать и вовлечь их тоже. Тебе еще предстоит узнать, какой может быть жизнь в Теле Христовом, когда она основана на доверии Богу, а не на страхе». Я совсем забыл о своей встрече, назначенной на 13:30, спохватившись только тогда, когда мой случайный взгляд упал на часы выше фонтана. Они показывали уже 13:40.

«Джон, мне уже нужно бежать. Я должен был встретиться с клиентом десять минут назад в своем офисе. Но я хочу узнать об этом побольше. Можно мне попросить у тебя номер телефона, чтобы связаться с тобой?»

«Да у меня нет номера, Джейк, чтобы по нему можно было меня застать. Я слишком часто передвигаюсь для этого».

«А о мобильных у тебя есть понятие? Об электронной связи?»

«Понятие есть, да только пользоваться ими мне как-то не приходится!» Он пожал плечами.

«Так. Это означает – довериться Отцу в этом тоже?»

«Он достаточно вовремя всегда нас сводил до сих пор, разве нет?» - сказал Джон, подмигнув. Я хмыкнул в подтверждение. - «Ну и почему же не продолжить таким же образом?»

«Но я бы хотел, чтобы ты пришел и поучаствовал в нашей домашней церкви как-нибудь. Я делился с людьми некоторыми нашими беседами, они бы были рады познакомиться с тобой лично».

«Я буду тоже рад познакомиться с ними как-нибудь в будущем. Когда вы встречаетесь?»

«Обычно по вечерам в воскресенье. Может, будет возможность прийти на этой неделе?»

«Нет. На выходные меня в городе не будет. Давай я тебе позвоню, когда окажусь здесь на выходных?!» - ответил Джон.

Я вручил ему свою визитку: «Прости. Надо бежать. Но, пожалуйста, позвони!» - я услышал его заверения уже по ходу своего движения в сторону стоянки.

Развернувшись от него, я не мог не заметить яркое пятно красного платья. Это была Диана, она выходила из отдела “Sears”, держа под руку мужчину, который катил перед собой детскую коляску. Это был тот самый парень, которого я еще раньше видел с Джоном. Она улыбнулась, заглянув ему в глаза и обняв обеими руками его руку. Что это может быть такое – подумал я.